

Список персонажей на борту «Титаника»

Пассажиры третьего класса

- Валора Лак
- Джеймс Лак
- Чоу Бо Ва
- Винк
- Олли
- Барабанщик
- Минг Лаи
- Фонг
- Тао
- Хит Бледиг
- Дина Доменик, а также мистер и миссис Доменик

Пассажиры первого класса

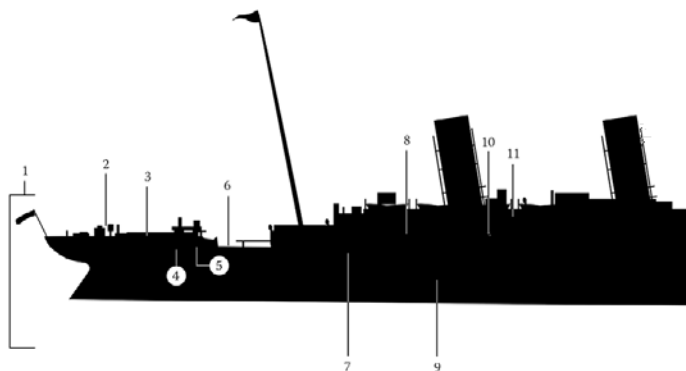
- Эмберли Слоан
- Эйприл Харт и миссис Харт
- Шарлотта Файн и миссис Файн
- Альберт Энкни Стюарт и его слуга Кроуфорд (Крогги)
- Дж. Брюс Исмей, председатель и управляющий директор пароходной компании «Уайт Стар Лайн»
- Леди Люси Дафф-Гордон и сэр Космо Дафф-Гордон
- Берта Чамберс

Экипаж

- Капитан Эдвард Смит
- Энди Латимер, стюард первого класса
- Скелет, стюард третьего класса
- Офицер Мерри
- Ква, квартирмейстер
- Старший-на-корабле, старшина корабельной полиции
- Брэндиш, главный пожарный
- Бакстер, портье первого класса

Королевское почтовое судно «Титаник»

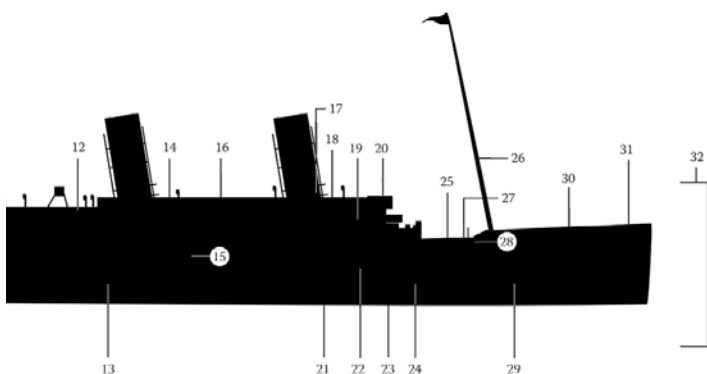
1. Корма
2. Стыковочные сходни
3. Палуба полуюта
4. Общая гостиная третьего класса на корме
5. Курительная третьего класса
6. Кормовая стапель-палуба
7. Читальный зал второго класса
8. Ресторан «А-ля карт»
9. Парикмахерский салон второго класса
10. Кафе «Паризьен»
11. Кормовая лестница первого класса
12. Прогулочная палуба первого класса
13. Обеденный зал третьего класса
14. Носовая лестница первого класса
15. Лифты
16. Каюты офицеров
17. Складные шляпки
18. Спасательные шляпки
19. Эксклюзивные каюты первого класса (Капустная Грядка)
20. Мост
21. Котельная номер 6
22. Каюты третьего класса
23. Хранилище

24. Корты для сквоша
25. Передняя грузовая палуба
26. Фок-мачта и марсовая площадка
27. Грузовая шахта
28. Общая гостиная третьего класса на носу
29. Грузовой отсек
30. Полубак
31. Якорь
32. Нос

Средняя линия корабля

- Шлюпочная палуба
- Кубрик
- Подпалубная цистерна
- Палуба Е
- Корма
- Парикмахерский салон второго класса
- Левый борт
- Шотландская дорога, коридор третьего класса
- Каюта старшины корабельной полиции
- Коридоры первого и второго классов
- Правый борт
- Плавники
- Нос

Честь и Доблесть

*По палубным доскам шагал капитан,
Вещая своим сапогам.
Они его гордостью были всегда,
Держали, подобно корням.
Того, что на правой ноге, звали Честь.
Он сбиться с пути не давал.
Был Доблестью левый, скажу вам как есть.
И твердости он добавлял.
И вместе они выручали его
Из множества всяческих бед.
Держали на палубе крепче всего,
И в ливень, и в качку, и в шквал.
И он никогда не снимал их с ног,
Даже помыться решив.
Он этим нечасто грешил, видит Бог,
И чаще бороду брил.
И этой обуви почти вышел срок,
Истерлись подошва и швы.
И вот уже Честь протекает чуток,
И Доблесть подмокла, увы.
Взглянул себе на ноги наш капитан,
Его сапоги словно драный кафтан.
Он крикнул: «О, горе!» — и кинул их в море.
И скрылся во тьме капитан.*

1

10 апреля 1912 года

Когда мой брат-близнец, Джейми, покидал меня, он поклялся, что это не навсегда. Всего за неделю до того, как комета Галлея прочертила небеса над Лондоном, он поцеловал меня в щеку и ушел. Одна комета появилась, вторая — скрылась. Но двух лет вдали от дома было более чем достаточно, чтобы прочистить голову даже в черном от угольной пыли трюме парохода. И раз уж сам он не спешит домой, пришло время ухватить эту комету за хвост.

Изо всех сил стараясь не ерзать, я жду своей очереди у трапа для пассажиров первого класса новейшего из океанских лайнеров компании «Уайт Стар Лайн». Крытый коридор, защищающий богатеев от солнечного света, ведет из депо «пароходного поезда» прямо к верхнему трапу. По крайней мере, отсюда далеко до крыс, кишаших в саутгемптонских доках, тянущихся под нами.

Вообще-то, некоторые здесь, наверху, и меня сочли бы крысой.

Супружеская пара передо мной косится на меня с опаской несмотря на то, что на мне одно из элегантнейших дорожных платьев миссис Слоан — серое, цвета акульей шкуры, что как нельзя лучше подходит к ее характеру, с шарфом из черного сетчатого газа, закрепленным на плечах. Но целую жизнь прожив под прицелом подозрительных взглядов, учишься их игнорировать. Разве не удалось мне уже пережить поездку из Лондона? Путь длиною в полдня в битком набитом вагоне дымящего поезда, бок о бок с пропахшим сардинами соседом. И вот я здесь, настолько близко к цели, что, кажется, чую запах Джейми — запах

растоптанной травы и молочного печенья, которое он так любит.

Морской бриз остужает мои щеки. Несколькими палубами ниже вся пристань, куда ни глянь, забита зеваками, плящимися на пароход, шестипалубной громадиной возвышающийся над ними. Над бортами, сверкающими черной полированной обшивкой, поднимаются четыре паровых трубы, настолько большие, что сквозь них легко может проехать поезд. Солидные буквы на борту гласят: ТИТАНИК. На трапе третьего класса в сотне футов слева от меня царит настоящее буйство костюмов: тюрбаны, расшитые кафтаны, ажурные шали с бахромой, тибетейки соседствуют с привычными котелками и соломенными шляпками. Но я не могу разглядеть там ни одного китайца. Неужели Джейми уже на борту? В такой толпе я легко могла его пропустить.

С другой стороны, он ведь путешествует не один, а с семьей другими китайцами — работниками его компании. Их всех отправляют на Кубу, на новый маршрут, поскольку их пароход встал здесь на прикол после забастовок угольщиков.

Холод разливается у меня внутри. Последнее письмо от него я получила месяц назад. С тех пор все могло измениться. Что, если компания Джейми решила отправить их вместо Кубы куда-нибудь еще, к примеру в Азию или Африку?

Очередь движется. Передо мной теперь всего несколько пассажиров.

Джейми! — зову я мысленно, как частенько играла в детстве. Слышит он не всегда, но меня утешает мысль, что услышит обязательно, если это будет по-настоящему важно.

В Китае появление на свет мальчика и девочки — двойняшек, олицетворения пары «феникс и дракон», — считается удачей, поэтому в честь нашего рождения Ба принес двух молочных поросят, зажаренных бок о бок, как символ общей доли. Кому-то это может показаться жутковатым,

но для китайцев смерть — всего лишь продолжение жизни на высшем уровне, вместе с нашими предками.

Джейми, твоя сестра здесь. Найди меня.

Станет ли для него сюрпризом мое появление? Вряд ли, скорее шоком — у Джейми с сюрпризами всегда были сложные отношения, — но я заставляю его понять, что настало время ему... *нам* отправляться на поиски лучшей, более достойной судьбы, о которой всегда мечтал наш отец.

Мне вспоминается телеграмма, которую я отправила брату после смерти отца пять месяцев назад:

Ба ударился головой о бордю и умер. Пожалуйста, возвращайся домой. Всегда твоя, Вал.

Джейми в ответ написал:

Получил извещение, надеюсь, ты в порядке.

Жаль, контракт еще на восемь месяцев, бросить не могу. Напиши подробно. Твой Джейми.

Джейми наверняка догадался, что отец был пьян, когда ударился головой, и я была уверена, что скорбеть, как я, он не стал. Когда ты живешь с человеком, чья страсть — бутылка, прощаться приходится задолго до того, как он уйдет на самом деле.

Кто-то за моей спиной откашливается, прочищая горло. Женщина в полосатом костюме мужского покроя, сидящем на ее ладной фигуре, как полосы на зебре, смотрит на меня, изогнув в ироничной улыбке губы с зажатой в них сигаретой. По виду я дала бы ей не больше двадцати с небольшим. Каким-то образом мужской костюм лишь подчеркивает ее женственность, кремовую кожу и темные локоны, ласкающие изящный подбородок. Этим самым подбородком она указывает вперед, туда, где застыл как столб грозного вида офицер с озадаченным лицом.

Я едва ли не прыгаю вперед на носочках, тренированных многолетними упражнениями на канате. Ба стал учить нас с Джейми искусству акробатики, едва мы начали ходить. В иные времена лишь наши представления приносили семье кусок хлеба.

Грозный офицер пристально наблюдает за тем, как я достаю свой билет из бархатной сумочки.

Миссис Слоан, моя нанимательница, подобно дракону сидевшая на куче денег, тайно купила нам обеим билеты. Собственному сыну и невестке она не сказала ни о путешествии, ни о том, что на неопределенное время может остаться в Америке, подальше от их загребущих рученок и жадных взглядов. И я просто не могла позволить этим билетам пропасть после ее внезапной кончины.

— Доброго дня, сэр. Я — Валора Лак.

Офицер поглядывает на имя, написанное на моем билете, я — на его скулы, такие выдающиеся, что на них вполне может усесться по птице. Его фуражка с броской эмблемой компании — золотой веночек вокруг красного флага с белой звездой — приподнимается, когда он пристально изучает меня.

— Пункт назначения?

— Нью-Йорк, как и у остальных.

Это что, вопрос с подвохом?

— Нью-Йорк, хм. Документы?

— Они прямо у вас в руках, сэр, — заявляю я, лучась радостью и чувствуя, как тревожаще качается под ногами трап.

Он обменивается настороженным взглядом с матросом, держащим журнал регистрации пассажиров.

— Лак?

— Да.

На кантонском наша фамилия звучит как «Луук», но британцы предпочитают произносить ее как «Лак». Ба решил произносить ее так же в надежде привлечь удачу. Еще он выбрал претенциозные имена — Валор для Джейми и Виртэ

для меня*, вдохновленный матросской песенкой о паре сапог, но мама-британка пресекла его порыв на корню. Вместо этого брата назвали Джеймсом, а мне досталась Валора. Для кого это стало большим облегчением — вопрос спорный.

— Вы китайка, так?

— Лишь наполовину. Мама вышла за Ба вопреки воле своего отца, викария в местном приходе.

— Тогда как минимум одной вашей половине требуются документы. Вы разве не слышали об Акте исключения китайцев**? Вы не можете отправиться в Америку без особого разрешения. Вот такие дела.

— Чт... что?

Меня пронзает укол страха. Акт об *исключении* китайцев. Что это еще за безумие? Нас недолюбливают и здесь, в Англии, но, очевидно, там, в Америке, просто *терпеть* не могут.

— Но на этом корабле должен плыть мой брат и другие работники «Атлантической паровой компании». Все они китайцы. Они уже поднялись на борт?

— Я не слезу за посадкой третьего класса. А вам нужно очистить мой трап.

— Но моя хозяйка будет ждать меня..

— Где она?

К этому вопросу я подготовилась.

— Миссис Слоан хотела, чтобы я прибыла первой и проследила за подготовкой ее каюты.

Конечно, она уже отплыла к совершенно другим берегам, откуда назад не вернуться, и тем самым доставила мне кучу неудобств.

— Мы отправили сюда ее багаж еще неделю назад. Я должна разложить ее вещи.

* Valor (англ.) — честь, virtue (англ.) — доблесть. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

** Акт об исключении китайцев (1882–1943 годы) — особый закон конгресса США, изданный 6 мая 1882 года в ответ на массовую иммиграцию китайцев на запад страны.

В этом багаже Библия моей мамы, а среди ее страниц — единственная оставшаяся у меня фотография родителей. Наконец-то моя семья снова будет вместе, пусть даже родителей заменит всего лишь их фото.

— Ну, на этот корабль без специального разрешения вам не попасть. — Он помахал билетом. — Я сохраняю это до тех пор, пока она не поднимется на борт. Следующий!

Очередь позади меня начинает роптать, но я не обращаю внимания.

— Нет, пожалуйста! Я должна попасть на борт! Я должна...

— Роберт, выведи девчонку прочь.

Матрос, стоящий рядом с грозным офицером, хватается за руку.

Я стяхиваю его руку, пытаюсь добиться хоть немного уважения.

— Я сама уйду.

Женщина в мужском костюме позади меня отступает в сторону, позволяя очереди идти вперед в то время, как ее глаза цвета янтаря с любопытством оглядывают меня.

— Я видела, как группа китайцев садилась на этот корабль сегодня рано утром, — заявляет она резковатым, уверенным тоном, привычным для американцев. — Может быть, вам удастся проверить, был ли ваш брат среди них.

— Спасибо вам, — отвечаю я, признательная за внезапную любезность.

Мимо меня протискивается какая-то семья, и я теряю собеседницу из виду в вихре людей, чемоданов и шляпных коробок. Вскоре я обнаруживаю, что меня вытеснили назад в депо, словно я кусок неперевариваемого мяса. Миссис Слоан ни за что не потерпела бы такого безобразия. Возможно, богатой леди вроде нее удалось бы убедить их пропустить меня на корабль. Но теперь за меня было некому заступиться. Я спускаюсь по лестнице, а затем выхожу из депо на пристань. Яркий луч, прорвавший хмурые тучи, бьет мне прямо в глаза.

Я полагала, что самым трудным для меня будет попасть на корабль без миссис Слоан. И даже вообразить себе

не могла подобных сложностей. Что же теперь? Мне нужно на этот корабль, иначе пройдут месяцы, а то и годы до нашей с Джейми следующей встречи.

Что-то задевает мой ботинок, и меня передергивает. Крыса. Здесь они определенно кишмя кишат, привлеченные продавцами орехов и мясных пирогов. Я отшатываюсь от горы ящиков, в которой стайка грызунов разделяется с дынной кожурой. Речные волны ритмично бьют в обшивку «Титаника», и мое сердце ускоряет ритм от этого звука.

Следуя совету американки, я иду к трапу для третьего класса, расположенному дальше по набережной, ближе к носу. В отличие от первого класса, здесь пассажиры толпятся на трапе, сдвигаясь плотнее при виде меня. Я одергиваю пиджак.

— Прошу прощения, мне всего лишь нужно спросить, на борту ли мой брат. Пожалуйста, позвольте мне пройти.

Мужчина с темными усами резко отвечает мне на незнакомом языке, а затем машет головой в конец очереди. Вокруг кивают, кидая на меня подозрительные взгляды, а затем толпа движется, отрезая мне путь. Кажется, здесь мой костюм леди из первого класса пользы мне не принесет.

Возможно, все было бы совсем по-другому, если бы я была больше похожа на маму, а не на Ба. Я выдыхаю свою обиду на этот и сотни других беспричинных отказов, преследующих меня всю жизнь. А затем иду дальше, к концу очереди, проходя мимо докеров, воюющих с канатами, и офицера в синем мундире, светящего фонариком в глаза людям. Первый класс на болезни они не проверяют.

За носом корабля пара буксиров выстраивается в линию, готовясь выводить «Титаник» с причала. Голоса становятся громче, когда люди видят громадный кран на носу, опускающий грузовую платформу на пристань в десяти шагах от трапа. Ревет гудок, и очередь сдвигается, уступая дорогу блестящему автомобилю «рено» цвета корицы. Он останавливается прямо перед платформой.

Закрыв дверь и заперев ее, я срываю шляпку и неверяще оглядываю королевство, которое получила в свое распоряжение. Пробую золотой кружок апельсина, вишни, мерцающие как рубины, а затем кусочек серебристой груши.

Ритмичный шелест волн смутно напоминает цоканье языка. *Вот только ты не начинай.*

Сметя с блюда все, включая хлеб и сыр, и запив это водой с лимоном, я жалею, что не могу все это повторить, но на этот раз медленнее.

На дне сундука я нахожу свои пожитки: два простых платья, которые я носила, будучи горничной, фланелевую ночную рубашку, вязаную шапку, шерстяные носки и мамину Библию.

Я не была в церкви с тех пор, как умер Ба и преподобный Пригг заявил, что Богу угодно, чтобы я ушла в монастырь, пока не ступила на путь Иезавели*. Я ответила, что, если Бог настолько обделен воображением, тогда мне нет дела до его религии.

Открыв на книге Руфи, которую мама читала особенно часто, потому что Руфь нашла мужа не в своем племени, я вытаскиваю единственную фотографию родителей, которая у меня есть. Ба в свадебном костюме сидит на стуле, и его улыбка похожа на молодой месяц. Мама, с уложенными вокруг

* Иезавель — жена израильского царя Ахава (IX век до нашей эры), мать царей Охозии и Иорама, а также, согласно популярной литературе, иудейской царицы-консорты Гофолии. Имя Иезавели стало нарицательным для порочных женщин — гордых, властолюбивых и тщеславных, богоотступниц.

лба локонами, спокойно стоит рядом с ним, опустив руку ему на плечо. Ее огромные глаза, всегда отражавшие эмоции, сегодня кажутся мне встревоженными.

— Я знаю, мам, что ты этого не одобряешь. Но мне нужно где-то остановиться, и ты наверняка не хотела бы, чтобы я спала в одной каюте с друзьями Джейми, правда? Так что я с таким же успехом могу побыть здесь, где — разреши они мне подняться на борт — и оказалась бы в любом случае. Я буду осторожной, как если бы ходила по паутинке. И сохраняю то, что осталось от нашей семьи, обещаю.

Скрыв тяжелыми парчовыми шторами лучи послеобеденного солнца, я раздеваюсь до нижнего белья. Затем ложусь на большую из двух кроватей. Помня о сегодняшней остановке в Шербурге и завтрашней — в Квинстауне, я обещала Джейми не высовываться и собираюсь именно так и поступить. К тому же, возможно, немного времени на то, чтобы переварить мое появление, поможет ему заодно поумнеть.

На случай, если я задремлю, включаю лампу для чтения рядом с позолоченной кнопкой вызова.

Темнота — мой старый враг. Меня это не слишком беспокоит, когда рядом есть кто-то, например кухарка Слоанов, которая делила со мной комнату. Но когда я одна, темнота подстерегает меня как зверь, и я не собираюсь дать ей ни шанса.

Затем погружаюсь в толстую пуховую перину и понимаю, что именно так я себе представляла сон на облаке. Выходит, что богачи и спят выше нас. Вскоре мои веки тяжелеют.

Ба прижимается к стволу живого дуба, размахивая руками. Пчелы роятся вокруг него, их так много, что они вполне могут облепить его жужжащим доспехом. Они выползают из-под его рубашки и направляются к его узкому темному

лицу. Покрывают его редяющие волосы шевелящейся, гудящей массой.

Джейми восседает высоко на ветке, болтая ногами. Он всегда где-то вверху, погруженный в свой собственный мир.

— Джейми, — кричу я, — спускайся и помоги мне! — Но Джейми лишь задирает нос к небесам.

Звук горна вырывает меня из забытья.

Я сажусь, пытаюсь вспомнить конец сна. Но мне не удается. Я знаю только, что ключ к разгадке у Джейми.

Поворачиваю выключатель, и лампы на потолке разгораются, как четыре сияющих глаза. Я распахиваю занавеси, позволяя вечеру заглянуть в мою каюту. Определенно, крошечные огни гавани становятся все меньше, потому что мы покидаем Шербург. Один порт позади, один впереди.

Мой желудок урчит, и после сыра ужасно хочется пить. Джейми, наверное, отлично поужинал в компании своих друзей. Я не знаю, чему завидую больше — тому, что у него есть ужин, или тому, что у него есть друзья.

Одиночество, словно птенец, вернувшийся в пустое гнездо, прокрадывается в мою душу. Алые стены теперь кажутся мне очень яркими, а мебель — слишком изысканной. Роскошь как хорошие новости: ею трудно наслаждаться, если не с кем поделиться.

Ну а как же мне не быть одинокой после всех этих лет, проведенных одной? Долгие дни работы, когда рядом нет никого, с кем можно поделиться чувствами, только тоскующий отец, который после смерти матери почти перестал замечать мое присутствие. Но я прошла через все это, не так ли? И все это время я старалась поддерживать себя в форме ради тех дней, когда мы с Джейми снова будем летать.

Я вытираю мокрые глаза, чувствуя, что мой гнев иссяк. Мы никогда не могли долго злиться друг на друга. Мама не позволяла нам. *Не стоит слишком часто оглядываться назад, иначе пропустишь то, что впереди,* — слышу, как она говорит, цокая языком.

Несмотря на обещание не высовываться, я решаю еще раз навестить Джейми. Я надеваю одно из скучных коричневых платьев миссис Слоан и повязываю шляпку.

Раздается стук в дверь. Я подкрадываюсь к двери, почти не дыша.

— Эй? Есть кто-нибудь? Это Эйприл Харт. Не бойтесь. Я бы хотела поговорить с вами.

Это та американка, что прикрыла мою Мадам Сижу на стапель-палубе. В голове звенит тревожный звоночек. Я ни за что не стану отвечать на стук.

— Вы — Валора Лак, не так ли?

Я съеживаюсь от испуга. Должно быть, она запомнила мое имя еще на трапе. С таким же успехом она могла бы начать бить в латунный колокол, висящий на марсовой площадке. Особенно учитывая соседство с мистером Ис-меем.

— Вы там, мисс Лак?

Пока она не назвала моего имени в третий раз, я рывком распахиваю дверь.

— Миссис Слоан. Чем могу помочь?

Шелк оттенка лайма облегает стройную фигуру мисс Харт, подчеркнутую ярко-синим поясом, сидящим низко на бедрах. Головная повязка с единственным павлиньим пером удерживает на месте ее короткие локоны. Какое простое и в то же время дерзкое украшение для волос. В руках она держит саквояж из кожи какой-то рептилии, вероятно, одного из тех монстров-аллигаторов, живущих в Америке.

С невозмутимым выражением благородного лица она протягивает руку и поднимает мою вуаль.

Я отшатываюсь.

— Как вы смеете!

— О, я много чего смею.

Она улыбается. Глаза ее мерцают, как два кусочка янтаря, ловящих тем больше света, чем дольше в них вглядываешься. Она проходит в каюту со своим саквояжем с таким

видом, словно садится в поезд. Следом всплывает запах ее сигарет и чего-то мускусного. Она осматривается.

— Мило. Весьма по-имперски. Однако сама я предпочитаю более современный стиль. Собирает меньше пыли. Очевидно, ни одна женщина не приложила здесь свою руку.

Я закрываю дверь и поспешно следую за ней.

Она скользит по каюте, как лиса, выдвигая ящики комода, заглядывая в гардероб.

— Вы весьма умело лазаете. Как ваши конечности приобрели такую гибкость?

— Я могу чем-нибудь вам помочь, мисс Харт? — спрашиваю я, пытаюсь быть вежливой, несмотря на то что мое лицо все еще горит от разоблачения. Она знает мой секрет. Она легко может уничтожить меня. Неужели лиса пришла добить слабую дичь?

Она смотрит, как я обмахиваю шляпкой пылающее лицо.

— Валора, пожалуйста. Не волнуйтесь. Я сохраню ваш секрет. Но взамен хочу попросить вас о маленькой услуге. — Отставив в сторону саквояж, она поднимает вазу с табаком и принимает. — Неплохо. Но, на мой взгляд, слишком много смолы.

Я прислоняюсь к туалетному столику, провожая ее одним только взглядом. Чего она может хотеть от нищей вроде меня?

— У вас прекрасная фигура.

Она отрывает взгляд от содержимого сундука миссис Слоан, чтобы подмигнуть мне.

— М-моя фигура?

— О, да. Пропорциональное сложение, сильные конечности, хорошая осанка. Идеально для «Дома Июля».

Я тут же вскидываюсь.

— Я не из таких девушек.

Она смеется, и этот теплый звук напоминает аплодисменты.

— А это и не такой дом. «Дом Июля» — это мой дом моды от-кутю. — Она достает одно из самых унылых платьев

миссис Слоан, оливково-зеленое с пышными оборками, и ее лицо искажает гримаса.

— От чего у вас мода?

— От? А, вы про *высокую**. — Очередной всплеск аплодисментов. — *Haute couture* означает «высокая мода» на французском.

Меня начинает немного утомлять эта женщина, которая идет куда угодно и берет то, что хочет.

— Я бы хотела, чтобы вы носили платья моего дома. — Она проводит руками по лифу своего платья и поворачивается. — Будет весело.

Я фыркаю.

— Я тут стараюсь не высовываться.

Вместо обиды на ее лице вспыхивает насмешливая улыбка.

— В такой-то вуали? Вы притягиваете взгляды, хотите этого или нет. С таким же успехом можете предстать перед людьми.

— Я не планировала расхаживать туда-сюда. В конце концов, я скорбящая вдова.

Эйприл проводит рукой по кушетке, а затем растягивается на ней.

— Миссис Слоан наверняка женщина состоятельная, раз уж получила такую каюту, а вы, я полагаю, ее горничная. Но почему здесь нет ее самой? — Ее глаза округляются. — Вы убили ее?

— Конечно нет. Она... скончалась, если вас так это интересует. Чуть больше недели назад.

— Ага. Так вы, стало быть, воровка.

— Нет! То есть не намеренно. Мы уже отправили багаж.

— Хм-м. А брата вы нашли?

— Да, — отвечаю я с гримасой.

Она вздергивает бровь.

— Надеюсь, он оценил ваше желание встретиться с ним.

* Haute (фр.) — высокая.

Я резко откашливаюсь. Она определенно слишком дерзкая. Но и слушать умеет тоже. Почему я все это ей рассказываю? Я не хочу быть частью интриг этой женщины. Мне и без того хватает проблем.

— Признаюсь, нет. А теперь, если не возражаете, мне пора идти.

— Значит, вы *все-таки* будете расхаживать.

— Не так, как вам бы этого хотелось.

— Я не прошу многого. Просто надевайте мои наряды всякий раз, когда собираетесь на выход. — Подтянув к себе саквояж, она устраивает его на кушетке и щелкает застежкой. — Это вкуснятина, как любите выражаться вы, британцы. Греховно роскошные и элегантные. Они заставят вас почувствовать себя королевой.

— Я собираюсь проводить в каюте девяносто девять процентов времени.

— Весьма в этом сомневаюсь. Девушка, взбирающаяся по цепи крана так же легко, как натягивает чулки, вряд ли сможет долго просидеть взаперти.

Она поднимает жемчужно-белое платье из крепдешина. Англичане любят все китайское — шелк, чай, фарфор, — кроме самих китайцев. Передняя вставка на платье вручную расписана журавлями и расшита крошечными бусинами, отражающими свет. У меня рот открывается, словно у рыбы, выброшенной на берег. Это самое волшебное платье из всех, что я когда-либо видела.

— Вы сами сделали это?

— Сама. Журавли на удачу. Это ваш дневной наряд на завтра. Потрогайте.

Осторожно, словно журавль может улететь, я прикасаюсь пальцем ко вставке на платье. Отличная ткань кажется прохладной и гладкой под моим горячим пальцем.

— Я придумала идеальное платье для вашей встречи с капитаном.

Я отдергиваю палец.

— Что за встреча?

— У всех есть возможность встретиться с капитаном. Для вас это будет важный момент. Все будут смотреть. Не беспокойтесь, вам пришлют приглашение.

Как будто именно это меня и беспокоило.

— Н-но почему вы сами не можете демонстрировать собственные наряды?

— Лучший способ продавать творения — позволить другим делать это за тебя. Я пытаюсь создать шумиху вокруг своей линейки, но в одиночку мне это не под силу. Это выглядело бы странно.

Она хмурится, видя мои черные ботинки, сшитые на мужчину с маленьким размером ноги и явно нуждающиеся в хорошей чистке. Разложив платье с журавлями на кровати, она достает из своего саквояжа пару изысканных коричневых лодочек с ремешками, за которые и подвешивает их на пальце.

— Никто не воспринимает американских дизайнеров всерьез. — Она закрывает саквояж, пристраивая туфли сверху. — Все, что им нужно, — это Люсиль, и неважно, что ее излишне вычурные «творения» больше всего похожи на клоунские наряды. Эти ее шляпки «Веселая вдова», сверх меры загроможденные садовыми обрезками, были просто чудовищны, резали глаз и мучили шею.

Должно быть, она говорит о леди Люси Дафф-Гордон, чьи наряды сейчас на пике моды. Я вспоминаю, как глаза миссис Слоан превратились в два блюдца, когда я сказала ей, что шотландский барон сэр Космо Дафф-Гордон и его жена будут среди пассажиров «Титаника».

— Скажем, *вы* могли бы стать Веселой Вдовой, как в той оперетте. Вы загадочная женщина в трауре, но даже скорбь не заставила ваше очарование потускнеть.

Она прикладывает одну руку к сердцу, а вторую поднимает к потолку, словно стоит на сцене.

— В театре это, может, и работает, но в настоящей жизни вдовы не могут выставлять себя напоказ.

— Кто это сказал? Траурный наряд — это так старомодно.

— Я бы очень хотела помочь вам...

— Мне кажется, что мы могли бы помочь друг другу. В вашей ситуации необходим союзник, раз уж вы решились прятаться в первом классе в одиночку. Никогда не знаешь, когда может потребоваться помощь друга. — Она скользит ко мне и касается моего носа, словно хочет показать, что может. Я вжимаюсь в туалетный столик, и она отступает. — Кроме того, я мастер собирать слухи. Как иначе мне удалось бы выяснить, где вы остановились?

Художники, может быть, и не продают собственные шедевры, но она отлично умеет торговаться.

— Вы знакомы с мистером Альбертом Энкни Стюартом из цирка братьев Ринглинг?

Она поднимает глаза к потолку.

— Нет. Но я могла бы что-нибудь разузнать.

Учитывая ее упорство, я ни капли не сомневаюсь, что, прячась мистер Стюарт хоть за последним котлом на самой нижней палубе, она его разыщет. Но как именно я могу одновременно не высовываться и создать шумиху? Я вздыхаю.

— Я буду носить вашу одежду, но не стану предлагать покупать ее.

— Конечно нет. Будьте как можно более загадочной. — Она понижает голос, словно мы тут обсуждаем ограбление банка. — А я тем временем буду рассыпать приманку у вас в фарватере.

Она протягивает руку и, несмотря на то что все внутри меня протестует, я принимаю ее. В отличие от вялого, как дохлая рыба, рукопожатия большинства состоятельных дам, у нее крепкая хватка человека, способного открыть перед собой любые двери.

— Я вернусь завтра вечером в девять. Если вам что-нибудь понадобится, я в каюте В-47, прямо рядом с лифтами. Приятно иметь с вами дело.

В черном пальто миссис Слоан, похожая на безмолвную тень, я направляюсь в носовую часть, изо всех сил стараясь не выделяться. Мужчины и женщины одаряют меня кивками и улыбками, но держатся на расстоянии, что меня более чем устраивает.

Каюты, расположенные на Капустной Грядке, заканчиваются людным фойе, украшенным еще одной лестничной волной. В отличие от ее кормовой близняшки, позади этой в отделанном дубом фойе располагаются три жужжащих лифта. Пока жду, я успеваю разглядеть каюты сбоку от лифтов, среди которых и В-47, принадлежащая Эйприл Харт. Один из лифтов останавливается на нашем уровне, и лифтер раздвигает кованую решетку двери.

— Палуба Е, — сообщаю я ему кратко, в той манере, в которой обычно отдавала приказы миссис Слоан.

— Да, мэм.

Тремя этажами ниже двери лифта открываются, и я уверенно выхожу в коридор, тянущийся, должно быть, вдоль правого борта, где расположены каюты первого класса. В отличие от кипящей жизнью Шотландской дороги, идущей параллельно ему по левому борту, в этом коридоре тихо, как в библиотеке, пол выложен декоративной плиткой, а на потолке мерцают светильники в виде керамических роз. Он чуть попроще того, где остановилась я, шум моторов здесь слышнее и каюты ближе друг к другу. Миссис Слоан была права, выбирая переднюю часть слона.

Коридор, а с ним и секция первого класса заканчиваются дверью, ведущей в Плавники. Сразу за этой дверью висит табличка с надписью «Корабельный старшина». Это место я обхожу стороной. Само собой, представитель закона разместился в непосредственной близости от того места, где я собираюсь проворачивать свои тайные делишки.

Выглядывая стюардов, я торопливо пересекаю Шотландскую дорогу в направлении трапа и тихо стучу в каюту 14.

— Входите, — отвечает чей-то голос по-кантонски.

Мальчишки лежат в кроватях, каюта еле освещена. Винк тихо спит, свернувшись калачиком, а вот Олли наполовину свешивается с койки и громко сопит.

Бо без рубашки стоит на коленях перед нижней койкой, влажные волосы убраны с лица назад. У него крепкая, рельефная, как утесы Дувра в золотом свете солнца, спина. Он поднимает взгляд на меня, и мою шею опалает жар. Можно подумать, я в своей жизни видела недостаточно спин — докеров, Джейми, — хотя у него спина больше похожа на тонкую гряду, в сравнении с утесами Дувра.

Бо завязывает шнурок на горловине плоского кожаного мешочка, а затем поднимается на ноги.

— Я просто искала Джейми, — объясняю я тихо, чтобы не разбудить мальчишек. Теснота и тусклое освещение придают каюте тревожащую интимность.

Он медленно натягивает рубашку на свой рельефный торс, заставляя пламя на моей шее вспыхнуть ярче.

— Джейми говорил, его сестра — тот еще кадр.

— Да? — Значит, он сказал обо мне хотя бы Бо. — О тебе он никогда не упоминал.

— Возможно, потому, что словами всего не передать. — Даже с учетом весьма заметного акцента его фраза звучит вызывающе.

— Я вполне могу описать тебя одним словом. Павлин.

— Павлин? — произносит он.

— Именно. Такая птица с длинным хвостом, который она распускает, чтобы привлечь внимание.

Он пожимает одним плечом, обводя меня оценивающим взглядом, который, кажется, способен проникать сквозь стены.

— Джейми никогда не учил нас такому.

— То есть это Джейми *научил* вас английскому.

Он моргает и откидывает назад голову, в которой, вероятно, раньше даже не мелькала мысль о том, что его может поправить женщина.

— Джейми *помог* нам всем. Больше шансов найти работу, если говоришь по-английски. Если хочешь лучшего для него, поезжай домой. Девушки не должны скитаться в одиночестве.

Несмотря на всю мягкость его тона, у меня вспыхивает лицо, словно за щеками пара угольков. Если бы он выглядел чуть старше, я бы предположила, что он родился в год Быка. Люди, рожденные в этот год, трудолюбивы, но часто не-сносны.

— Вы с Джейми знакомы вот уже... сколько, два года? Я знаю его восемнадцать лет, с учетом года в утробе матери. Думаю, мне виднее, что для него лучше.

— Возможно, он повзрослел с момента отъезда. Повзрослел достаточно, чтобы прекратить слушаться сестру.

Мое лицо каменеет.

— Если ты не собираешься сообщить мне, где он, я, пожалуй, пойду.

— Он не сказал, куда пойдет. Но раз уж ты его сестра, могу поспорить, ты сама догадаешься.

Я запахиваю свое пальто резче, чем нужно. Я уже готова развернуться на каблуках и уйти, когда замечаю, что одеяло с верхней койки отсутствует, а из-под подушки торчит фланелевая ночная рубашка Джейми. Он еще не готов ложиться спать. Если Джейми изучает астрономию каждую ночь, я, кажется, знаю, где он может быть. Бо, все еще разглядывающий меня, улыбается так, что это можно принять за игру света.

Что ж, Джейми, возможно, я действительно знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

Спускаясь вниз по трапу, я слышу за спиной приближающиеся шаги.

— Мадам?

Я застываю. Стюард с удивительно неприятной ухмылкой наклоняет ко мне черноволосую голову. Кожа на его выступающих скулах туго натянута, отчего он довольно сильно похож на скелет. Видел ли он, как я выходила из каюты 14?

— Добрый вечер, мадам. Заблудились? — спрашивает он с игривыми нотками в голосе. — Опасно такой даме, как вы, ходить тут в одиночку.

— Да. — Я напоминаю себе, что я состоятельная англичанка, и люди вокруг существуют только ради моего удобства, и никак иначе. — Похоже, я не туда повернула, — заявляю я тоном, не терпящим возражений. — Пожалуйста, укажите мне дорогу к лифтам.

— Разумеется. — Он резко шмыгает носом, словно простудился. Затем тыкает костлявым пальцем в направлении Плавников. — Около дюжины шагов по Шотландской дороге, и справа от вас будет дверь. Войдите в нее и следуйте далее, пока не увидите таблички.

Я неторопливо иду прочь в полной уверенности, что, если обернусь, увижу, как он смотрит мне вслед. Нужно быть более осторожной и не попадаться здесь на глаза не только потому, что я женщина, но и потому, что я дама из первого класса, которой не может быть никакого дела до здешних обитателей. Избегая смотреть на каюту старшины, я открываю дверь в первый класс.